

ВДОХНОВЕННЫЙ МИР ЗВУКОВ

Елена Образцова и Важа Чачава увлекают нас в волшебный звуковой мир, просто и непринужденно знакомят с живыми образами, и они зримо предстают перед взором. Многолик и сложен этот мир; в нем — страдания и надежды, горечь разлуки и радость встречи, в нем — сама жизнь.

Прославлению высшей красоты служит творчество Е. Образцовой, и в этом мы в который раз убедились, побывав на ее камерном концерте, состоявшемся в Большом зале Тбилисской государственной консерватории.

...Ощущение радости воцаряется в зале с первых же звуков. За роялем В. Чачава создает то единственное настроение, атмосферу возвышенности, в которой пребывает слушатель в течение нескольких часов, отрешившись от земных сует. Фортепианные прелюдии и постлюдии В. Чачава — это целая гамма глубинных чувств, обогащающих вокальную палитру Образцовой.

Е. Образцова поет, можно сказать, все. В ее обширном оперном, камерном репертуаре предстают различные музыкальные эпохи, стили, направления. И каждая из программ продумана до мельчайших деталей, в каждой — своя сквозная драматургия, свои умиротворенные островки и эмоциональные пики.

Чайковский и Рахманинов прозвучали в камерном концерте, и в расположении, сопоставлении романсов была своя внутренняя логика, совершенное владение формой. Потому и были восприняты вокальные миниатюры как целостный, выстроенный цикл, в котором господствовал единый принцип: воссоздать во всем

богатстве духовный облик любимых героев — людей, сколь земных, столь и возвышенных. Закономерность проявилась и в другом: в соединении в одном концерте двух художников, близких друг другу своими порывами и страстями.

Чайковский и Рахманинов раскрылись перед нами в этот вечер; Чайковский — со своей трепетной нежностью (в романсах «Нам звезды кроткие сияли», «То было раннее весною»), недосказанностью чувств — («Средь шумного бала»), горечью одиночества — («Ночь», «Закатилось солнце»), Рахманинов с его светлой печалью («О, не грусти», «Не пой, красавица») и влюбленностью в русский пейзаж.

Художественная чуткость, позволяющая смело и свободно пользоваться темповыми отклонениями, богатый, тончайший оттенками звук щедро дарованы Елене Образцовой.

Сколько сочных красок, бытовых штрихов было в пении Е. Образцовой! Она лепила все образы изящной рукой истинного мастера, предельно сохраняя чувство меры и вкуса. Она предстала в этот вечер перед слушателем в образе разных героинь, в том числе и в образе русской девушки, с ее горестной повестью о нерадостной жизни, с ее верой в мечту в драматических вокальных миниатюрах «Я ли в поле да не травушка», «Полюбила я на печаль свою».

Именно благодаря своему вкусу придала Е. Образцова поэтичность бытовым формам и жанрам, с безупречным тактом спел «Темно-вишневую шаль», «Я помню вальса звук

прелестный», да и другие старинные русские романсы.

Е. Образцова и В. Чачава, дополнив, взаимообогатили друг друга.

А через день в Тбилисском академическом театре оперы и балета им. З. Палиашвили, выступив с симфоническим оркестром театра под управлением А. Жюрайтиса, предстала нам другая Е. Образцова. Другая и все та же — певица большого творческого диапазона, масштабная, темпераментная. Ее оперные героини — цельные, страстные натуры, живут бурной, полнокровной жизнью, чувствая их накалены до предела.

«Слезы Шарлотты» из «Вертера» Массне, ариозо Лауретты из «Джани Скикки» Пуччини, ария принцессы из оперы Чилеа «Андрейна Лекувер» и особенно спетая на «бис» ария Сантуцци из «Сельской чести» явились теми взлетами, после которых захотелось, не расплескав, унести с собой красоту, которую певица подарила слушателю.

И так же надолго останется в памяти сцена из «Пиковой дамы» Чайковского. Превосходная актриса, Е. Образцова без привычного оперного антуража, с невидимыми партнерами и театральными аксесуарами сыграла эту сцену Графини сильно, на одном дыхании.

Дирижерское искусство и мастерство А. Жюрайтиса в этом сложном эпизоде углубили образ, созданный певицей.

Единым творческим порывом хотелось бы назвать два концерта Елены Образцовой в Тбилиси.

Мира ПИЧХАДЗЕ.